

кубик Рубика имени Тургенева

два с половиной спектакля Андрия Жолдака на фестивале «Балтийский дом»

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Формально говоря, режиссер Андрий Жолдак привез на петербургский фестиваль «Балтийский дом» Гольдони и Тургенева. Однако, как справедливо заметил Козьма Прутков, коли на клетке с слоном написано «буйвол», не верь глазам своим. Харьковский театр драмы «Березиль» показал на фестивале два незаурядных жолдаковских спектакля, но ни один из них не имеет равным счетом никакого отношения ни к «Месяцу в деревне», ни к «Слуге двух господ».

Если покопаться в послужном списке Жолдака, может померещиться, что мы имеем дело с режиссером, усердно и добросовестно, подобно многим и многим, копающимся в классическом литературном наследии. Среди классиков, к которым в разное время обращался Жолдак, — Гоголь («Тарас Бульба»), Шекспир («Гамлет», «Отелло»), Чехов («Три сестры», «Чайка»), Солженицын («Один день Ивана Денисовича»). Последний из упомянутых классиков едва не подал на Жолдака в суд за нарушение авторских прав. Остальные не наняли адвокатов, видимо, только по той причине, что им уже давно не до судейских дразг.

После всякого спектакля Жолдака непременно находится немалое число театроведов, которые в крайнем раздражении ставят режиссеру очередную двойку по литературе, жирную и размашистую. Приписочка к каждой двойке следует стандартная: «Не раскрыл тему». С экзаменаторами не поспоришь. Единственное «но»: стоит ли принимать у человека экзамен по сочинению, если он пришел сдавать, к примеру, рисование? Ведь с рисованием-то у нерадивого студента как раз все в порядке.

Однажды, давая очередное интервью, Жолдак проговорился: «Гиганты-классики нужны мне только как начинка для публики». Если бы не столь ничижские соображения, которые, возможно, и заслуживают порицания с точки зрения морали, то по-хо-

рошему на афише вместо «Месяца любви» (по мотивам пьесы И.С. Тургенева) или «Гольдони. Венеция» (по мотивам комедии «Слуга двух господ») следовало бы честно обозначить: «Что-то про любовь», «Кое-что про Венецию»...

Текста в жолдаковских спектаклях, как всегда, кот наплакал. В спектакле про Венецию так и вовсе не оставлено ни единой гольдониевской буковки. Зрителям раздают краткий вокабуляр, вникая в который якобы нужно различать те краткие речи, что временами доносятся до них со сцены. Актеры возбужденно выкрикивают одни лишь цифирки, а заглянув в бумажку, выяснишь, что 8 — это вода, 5 — любовь, 4 — женщина, а 88 — потоп. Нечто схожее выделяет в последнем фильме Ренаты Литвиновой «Богиня: как я полюбила» какая-то эпизодическая чечеточница. Выдав сосредоточенный степ, она поясняет зрителю: «Это азбука Морзе. Передаю сведения. Заберите меня отсюда». Каковы те сведения, что передает нам Андрий Жолдак? Уж верно, они не в редких словах и тем более не в цифрах, а в той череде визуальных вспышек, из коих, собственно, и состоят его спектакли. В последних своих работах Жолдак раздробил время на своеобразные сценические кванты. Особенно это бросается в глаза в «Месяце любви».

То есть буквально бросается в глаза, поскольку вспышки и затемнения следуют друг за другом с периодичностью примерно раз

в минуту. Будто едешь ночью на поезде, а за окном через каждые сто метров фонарь выхватывает из темноты новую, еще не виданную тобой картину. Черно-белые картинки большей частью статичны. На фоне однотонно-нейтральных выставочных стендов возникают карабасы-барабасы, подметающие бородою пол, летящие по небу женщины, фанерные рыбы, из глубины которых нам улыбаются добрые девичьи лица, муляжные псы, куры и мыши. Перед нами дефилируют красавицы в белоснежных шубах и странных шапках, неуклюжим сугробом сползающих с головы, и тут же рядом — девочка в черном купальнике. Временами это напоминает черно-белое немое кино, и Жолдак только поощряет наше ассоциативное воображение, дурашливо пронося по сцене огромные «титры»: «АХ» или «ОХ».

Посмотрев подряд две постановки Жолдака, непременно запутаешься, какой из визуальных образов к какому спектаклю относится. Да он и сам путается. Взять хотя бы ту историю, что приключилась с «Гольдони. Венеция». Вначале спектакль (следите внимательно!) состоял из трех актов. Затем третий акт, отколовшись от прочих двух, поплыл, как льдина по волнам, и зажил собственной жизнью. Жолдак решил назвать его «Четыре с половиной» (привет, Феллини!) и играть, наоборот, уже в качестве пролога к «Гольдони. Венеция». Отдельным номером, за 40 минут. На «Балтийском доме» весь абсурд усугубился, поскольку в Питер из-за технической невозможности не привезли одно из венецианских действий. Так что сначала играли тот третий акт, что стал прологом, а затем тот первый акт, который можно при желании посчитать и вторым. Запутались? Не беда. Символом нынешнего «Балтийского дома», вынесенным на все городские афиши, стал кубик Рубика, а ведь никто из нынешних режиссеров с таким азартом не крутит в своих спектаклях эту чертову игрушку, как Жолдак.

Глядя на людей с белыми овалами вместо лиц в спектакле Жолдака «Месяц любви», кто-то, возможно, припомнит Малевича, а кто-то — Магритта